

Кайл Иторр

Истинный король

Книга Тьмы

Кайл Иторр

Истинный король

«Калико Яков Владимирович »

Иторр К.

Истинный король / К. Иторр — «Калико Яков Владимирович »,
— (Книга Тьмы)

Галлия, времена неверия и смуты, времена, когда величие и власть позабыты, о чем сожалеют лишь помнящие былые времена, но сожаление это умирает вместе с ними. И все же однажды приходит тот, кто был назван потомками королем истинным, владыкой былого и настоящего – хотя тайны былого не открылись для этого короля, а настоящее даже не признало его королем. И потребовалось чудо, чтобы власть оказалась в руках рожденного для лучшей участи, имя которого, искаженное потомками – Артур Пендрагон. Смесь политико-исторического фэнтези с пародией на оное.

© Иторр К.

© Калико Яков Владимирович

Содержание

Вместо пролога	5
Сон Максена	8
История первая	9
Язык дракона	13
История вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Кайл Иторр

Истинный король

Наши беды здесь связаны с еще большими опасностями в других местах, в мирах, которых мы никогда не видели и не увидим, разве что во сне.

Ги Гэвриэл Кей «Тигана»

Вместо пролога

или как Магнус Максимус не стал императором

– А что, надо было? – недовольно спросил имперский полководец. – Не очень-то и хотелось, знаешь ли. Осточертел мне и Рим, и вся Италия. Вот хоть ты скажи, как там тебя – Беркут?

– Кречет, с твоего позволения.

– Беркут, Кречет – главное, что не дятел... Не, старик, вот ты вроде бы жизнь повидал больше моего, вот скажи на милость, зачем люди взбираются на трон?

– Не знаю, – пожал плечами старик, назвавшийся Кречетом.

– О! – Максен торжественно направил указательный палец куда-то в сторону, желая указать ввысь в традиционном жесте «небесам ведомо, как же ты прав», но на деле усиленно тыча ногтем в нос собеседнику. Последний, впрочем, успел уклониться и не обиделся. – Не знаешь. Так ведь и никто не знает! Хошь, у самого Теодозия попытаем? У кесаря нашего августейшего, чтоб на него Митра трясульку сирийскую наслал. Вот прямо так к нему придем и спросим: а с чего это ты, Теодозий, вдруг в кесари подался? Не ответит ведь. Умрет, а не ответит. Или мне голову снимет. – Максен немного подумал, в чем ему весьма помогли остатки испанского вина, и добавил: – Не, натурально снимет. Он любопытных ой как не жалует.

Несмотря на количество выпитого, язык у имперца почти не заплетался. Попробайся Максен встать, вино сыграло бы с его ногами дурную шутку, однако он был слишком опытен для такого безрассудного поступка. Пить – это пожалуйста, голову вино только освежает, слова с языка сходят легко и без запинок, а если не хочешь говорить чего – так и не говори. Вино смачивает язык, но не тянет за него. Вот бегать и прыгать после доброй порции вина лучше поостеречься: предки ведь, когда вино изобретали, его предназначали для улады желудка и удовольствия – а какое, спрашивается, удовольствие, едва выпив да откушав, бегать-прыгать-кувыркаться и нестись сломя голову на все четыре стороны? Потому-то вино и связывает ноги, чтобы не вздумалось какому невежде счесть себя умнее предков. А кому так уж хочется атлетических упражнений, пускай эль пьет или пиво. Бегать они не слишком мешают, зато связывают язык. То есть на самом-то деле они его развязывают, причем так развязывают, что поутру человек ползает, вывернувшись наизнанку, и пытается засунуть обратно и язык, и то, что с него вечером слетало. Язык обычно на место возвращается, но слова, разумеется, нет. Именно поэтому в просвещенной Рах Романа употребляли в основном вино, хотя знали и другие напитки, что согревали сердце и радовали душу. В Империи понимали цену не вовремя сказанного слова и не стремились ее платить.

Судя по всему, понимал эту цену и мудрый Кречет, даром что принадлежал к варварскому племени гэлов. Все варвары насчет выпить совсем не дураки, что цивилизованные предки имперцев усвоили давно и прочно, но в силу своих варварских предрассудков они обычно хлестали лишь свое варварское пойло – эль, пиво, брагу, медовуху и другие варева да

настои, для цивилизованного желудка подобные крысиному яду. Вина же упомянутые варвары не то чтобы не пили вовсе, но находили его пресным и безвкусным. Или наоборот, чересчур сладким и приторным. Варвары, одно слово.

Максену, впрочем, попался на удивление утонченный собутыльник, с первого глотка оценивший хорошее испанское вино. Оценивали они оное вино не слишком долго, поскольку вина и было-то – небольшой бочонок. Зато под вино и разговор получился вполне пристойный, он не утомлял высокими материями и не отягощал излишними размышлениями о судьбах мира.

А Максену не хотелось ни размышлять, ни говорить о высоком.

– Вот меня хоть взять, – молвил он. – Всю Иберию, Дакию и Тракию от края до края не раз прошел, в пехоте и в кавалерии. Легионы меня знали и я их знал. Считаю, вместо детей мне были. Звание выслужить много кому удавалось, особенно если чуть повезло с родней. А вот войска не всем подчинялись с охотой.

– Так в чем же дело? – спросил Кречет.

– Да в том, что мне императорские почести даром не нужны, а Теодозий не верил. Флавий ведь, у них у всех со времен Домитиана на этом пунктик. И восстания преторианцев бояться пуще чумы, и положиться на преторианские когорты не могут, если вдруг однажды легионы захотят посадить на трон «солдатского императора». Чуть кто из полководцев начинает выдвигаться, за ним сразу орава шпионов-наушников начинает бродить. Каждое слово ловят и на таблички записывают, да не абы как, а с подковырками... Солдаты тебя уважают и любят – ага, значит, готовишь переворот и заручаешься поддержкой действующей армии...

Старик искоса посмотрел на беглого римлянина. Узкий профиль Теодозия ему доводилось видеть на имперских денариях. Доводилось и на профили предыдущих владык Рах Mediterrania глядеть, на подобных же монетах: гэлы сами не чеканили денег и мерили золото и серебро на вес, но по Галлии давно ходили монеты Империи, завезенные купцами с юга. Совсем нетрудно было вообразить новенький серебряный денарий с римскими письменами Magnus Maximus и профилем Максена.

– Вот и он вообразил, – вздохнул имперец. – И намекнул, что негоже так. Доходчиво намекнул. Тут уж или действительно войска подымай, или давай деру во все лопатки.

– А ты мог поднять войска?

– Наверное. Я ведь тебе сказал, меня в легионах знали очень хорошо. Было кому поддержать. И когда солдатский император займет трон и удержится на нем первые несколько лет, после никто ему не будет пенять на знатность фамилии...

– Но тогда...

– Объяснил ведь, кажется! Осточертело мне все. В отставку хотел подать, уехал бы к себе в поместье в Калатраве, женился... – Максен тоскливо посмотрел на пустой бочонок. – Эх, раньше умным надо было быть! Не сидел бы сейчас в этой Лагрии...

– Ллогрис.

– Один хрен...

Бывший полководец и триумфатор Магнус Максимус, которого наемники-гэлы уважительно прозвали Максен Вледикс, то есть Максен Великий, устало смежил веки. Через несколько мгновений до Кречета донесся тихий храп римлянина.

– Хорошо ты умеешь притворяться, Максен, – с одобрением проворчал старик. – Не хуже ваших кесарей. Правду говорил, святую правду и ничего кроме правды, – а самого-то главного так и не рассказал...

Что Кречет понимал под «главным», ведал лишь он сам.

Да еще, возможно, помянутый римлянином Митра, бог легионов, но не знати, – ибо последняя полных три четверти века как начала поклоняться богу своих рабов – Белому Христу. Распятый и воскресший триста пятьдесят лет назад где-то на восточном берегу Срединного моря, этот бог не терпел рядом с собой других небожителей.

Во всяком случае, так теперь твердили его жрецы, чье прикосновение обращало узурпатора-захватчика – в законного владыку, благословенного небесами. Максен мог при поддержке легионеров сместить Теодозия, но чтобы занять трон Империи, солдатскому императору пришлось бы отречься от своей солдатской веры и стать христианином, по крайней мере внешне. А Магнус Максимус не напрасно был любимцем легионов, причем не столько знатных и родовитых командиров, сколько простых вояк. Они действительно были семьей Максена, слово его никогда не расходилось с делом. Редко среди высшего сословия Империи попадались люди, которые отрицали притворство и лицемерие не только своими речами, однако Максен был одним из них.

Максен Вледикус, Максен Великий, некоронованный король Ллогрис в очень недалеком будущем...

Кречет мог бы сказать, что трон подарит Максену судьба, но слова «подарит» по отношению к судьбе он предпочитал не употреблять. Поскольку лучше многих ведал, кому и во сколько такие подарки обходятся.

Важно, однако, другое. Максен сядет на престол и править будет лучше, чем все прежние князья-риксы Ллогрис, это друид мог прочесть уже теперь, но важно опять-таки не это.

Важен приемный сын одного из союзников Максена, Килох по прозвищу Свинопас, без задней мысли считающий себя сыном вояки Аэрона, того самого, что проложил себе дорогу на небеса несравненным боевым искусством. Важно, что Килох будет землю грызть, только бы доказать свое божественное происхождение, и докажет, когда сам Ильмаринен закроет перед ним двери кузницы, где куется оружие для небожителей и – реже – земных героев. Важно, что в молодости Килох будет верным сторонником Максена, потом уйдет собственной дорогой, а под конец жизни вторгнется в Ллогрис во главе лихого отряда и сложит из голов клановых вождей курган в человеческий рост. И одни будут думать, что его после этого подвига тоже взяли живьем на небо, другие поверят, что Килоху явился звездный мост и герой ушел по нему на волшебный Авалон, третьи начнут уверять, что мост этот под Килохом растаял, ибо герой преступил наложенные на него запреты-геасы... Самого Килоха, разумеется, спросить уже не смогут.

К счастью для Максена, он к тому времени давно будет покоиться в Гарре, около Хоро-вода Каменных Великанов, и не увидит, во что превратит страну очередной великий герой. На мгновение Кречет позавидовал римлянину; сам он был обречен наблюдать за этим дважды, сперва звездным зрением ведуна-провидца, потом как обычный человек. Потому что час его собственной смерти к тому времени еще не настанет...

Сон Максена

(легенда, не вошедшая в каноническое собрание сказаний Галлии)

Тот, кто на троне сидит истуканом,
Вскорости будет забыт.
Тот, кто войска ведет в дальние страны,
Будет бесславно убит.
Тот, кто покорен традициям старым,
В прах перед ними падет.
Тот, кто минувшее видит кошмаром,
В розовых грезах сгниет.

Тем, кто чурается умных советов,
Разум уже ни к чему.
Тем, кто повсюду взыскует ответа,
Двери открыты во тьму.
Тем, кто пророчествам верует слепо,
Счастья вовеки не знать.
Тем, кто смеется в разоренных склепах,
Вскоре придется стонать.

Та, кто забыта, закрыта, зарыта,
Снова вернется назад.
Та, кто в гранитные врезана плиты,
Сбросит постылый наряд.
Та, кто таится в глухих коридорах,
Выйдет однажды на свет.
Та, кто словес выплетает узоры,
Не перепишет Завет.

То, что не помнят и не вспоминают,
Вспомнит само и придет.
То, что на древе судьбы распинают,
Судьбы чужие распнет.
То, что считалось исполненным силы,
Рухнет под грузом вины.
То, что опорой было для мира,
Вспыхнет пожаром войны...

История первая или Как Утер Пендрагон прокатился на драконе

– Проклятье, маг! Я люблю ее!

– Верю, – поднял руки старик. – Верю, Утер. Но при чем тут я?

– Ты можешь мне помочь.

– Как? Ты же объявил Горлису войну, Озерный край и Ллогрис теперь на ножах. Жену свою Горлис отослал в Каэр Банног и выставил охрану; озеро невелико, сильному человеку переплыть труда не составит – но незаметно сделать это не выйдет. Замок стар и не укреплен как следует, только взять его совсем уж без шума у тебя тем более не получится.

– Сам знаю, Кречет. Военные советники у меня есть, ты для другого призван. Разыщи способ, как мне добраться до Игрэн, а уж я в долгу не останусь.

Старик что-то проворчал. В долгу он не останется... нет, обычно слово свое Утер держал, но памятью обладал поистине королевской. То есть помнил только то, что хотел помнить.

В иное время Кречет, обратись к нему кто с такой просьбой, послал бы куда подальше любого просителя – рикса, ард-рикса или даже воскресшего имперского кесаря. Пару лет назад Утер уже получил от ворот поворот (тогда он не Игрэн хотел заполучить, но для Кречета особой разницы не было). Теперь правитель Ллогрис вновь пришел на поклон к могущественному магу... и в этот раз, хотя обстоятельства делали просьбу куда сложнее и опаснее, Кречет должен был согласиться. Имелись у него свои на то причины.

Такое сочетание звезд случайным быть не могло. Старикуне доставало былых дней, когда волшебники, по-своему истолковав небесные знамения, избирали бы себе по одному из участников грядущего противостояния и обратили их в свои фигуры на игровой доске, каковую для Высших Сил представлял весь мир, а обладатели силы (которые колдуны, кудесники и чародеи) довольствовались его уголком... Увы – радостные дни его детства и молодости миновали бесповоротно, нынешние маги такими играми почти не балуются. Брезгают, видите ли.

Тем не менее, Кречет ДОЛЖЕН был помочь Утеру Пендрагону заполучить в постель Игрэн, жену Горлиса, рикса Озерного края.

Сто лет назад имперский полководец Максен Вледикс встал во главе войска Ллогрис, после чего Лионесс, Лохланн, Иль и Солонь присягнули ему на верность. Ард-риксом Максен себя не провозгласил, однако был на пол-волоска от этого. Потомки Максена также не претендовали на высокий титул, но покоренные земли держали обычными методами: порой грозили кнутом и с постоянной щедростью подкармливали пряниками. Мало-помалу окрестные княжества о былой независимости и вспоминать забыли... пока серебряный с сапфирами венец не оказался на макушке Утера. Тот был не хуже и не лучше своих предшественников, если говорить об умениях правителя и полководца. Губила Утера одна черта: смазливое женское личико заставляло его забыть обо всем, кроме обладательницы этого личика, и только переспав с нею, Утер вновь обретал ясность мысли. Ладно бы он каждую в жены брал, это вождю или риксу до некоторых пределов дозволено, так ведь настолько по женщинам Пендрагон с ума не сходил; а жаль, думали многие, жена бы живо приструнила гуляку, первый он такой, что ли?... До поры до времени на похождения рикса и вожди, и народ смотрели сквозь пальцы, но когда ему попалась на глаза молодая Игрэн, вторая жена Горлиса Лохланнского, – тут уж запахло войной. И серьезно запахло.

Войну начать несложно. Будь Утер в здравом рассудке, он бы сумел провести все как надо, одолеть сильную и опытную, но малочисленную фианну Горлиса и подчинить земли «мятежника» малой кровью. Однако рикс думал только об Игрэн, собственная дружина Утера пошла вразнос и война из спокойной забавы риксов-князей переросла в нечто, затрагиваю-

щее интересы народа, сиречь кланов... Старейшины родов Лохланна и Ллогрис не замедлили собраться на совет, после чего Утеру Пендрагону учтиво передали следующее послание: если через неделю с войной не будет покончено, через десять дней покончено будет с тобой. Подобно древним жителям Лаконики, вожди гэлов умели говорить кратко и выразительно. Иногда.

Четыре дня рикс Ллогрис грыз рукоять своего меча, затем призвал старого недруга, мага-друида Кречета, и взмолился о помощи. Кречет прибыл к нему на шестой день, вызнал все подробности, мысленно согласился с вождями (если ты не головой думаешь, она у тебя явно лишняя), однако пообещал помочь...

– Ладно, – наконец промолвил старик. – Тебе придется заплатить. Дело осуществимое, но...

– Никаких «но»! Скажи, чего хочешь, я добуду тебе это. Хочешь – Максенов меч, хочешь – Рогатый Венец сыновей Кернанна...

– Амулеты воинов и Владык мне ни к чему, – отрезал Кречет. – Я помогу тебе, Утер, но за это ты отдашь мне то, что носишь на правой руке.

Рикс в недоумении осмотрел правую руку – а вдруг там появилось нечто, чего никогда ранее не было? Ничего нового он не нашел, только широкий бронзовый браслет на запястье и перстень-печатку с бледно-розовым рубином на среднем пальце. Утер начал было стаскивать перстень, потому как защитный наруч-браслет потребен только бойцам-фехтовальщикам, но Кречет остановил его:

– Нет-нет, не это. Без колец я обойдусь.

– Хочешь браслет? Пожалуйста.

– Не браслет. То, что под ним...

Стащив бронзовый наруч, Утер вдруг сообразил:

– Так тебе нужен знак дракона!

– Верно. Я могу взять его, только если ты сам отдашь.

– Я обещал, значит, получишь, что пожелал.

Чего-чего, а багряного родимого пятна в виде головы ухмыляющегося дракона правителю Ллогрис было совершенно не жаль. Ходили, конечно, сказочки, будто этот самый дракон переходит из поколения в поколение, к истинному наследнику престола Ллогрис... однако, в сказки Утер перестал верить лет двадцать пять назад, когда научился удирать со двора и сочинять собственные сказочки в оправдание. А верить в легенду о том, как некий Горман Бард, обладатель чрезвычайно громкого голоса и напрочь лишенный музыкального дарования, изгнал своими воплями нахального дракона с восточных окраин Ллогрис и в благодарность был провозглашен тутошним риксом, – ну нет уж, в такое поверить могут только сумасшедшие друиды вроде Кречета! Он еще рассказывать начнет, будто знак дракона к нему, Утеру, перешел от Элейн О'Горман, Максеновой жены, мол, она этому Горману родной внучкой приходилась... Вздор все это. Рикс – тот, кому дано сесть на престол и удержать его, лавируя между дубинами кланов и мечами дружины, а все прочее – детские сказочки, не более...

Так думал Утер, рикс самого старого из гэльских княжеств, который знал о власти и традициях отнюдь не понаслышке. Что думал Кречет, друид и волшебник, который видел в прошлом слишком много, чтобы не верить сказкам, – знал только сам Кречет.

– ...Итак, вымани Горлиса из замка и заставь обустроить лагерь к северу от озера. Сам стань к югу и вышли разведчиков, вроде бы готовишься к битве. После захода солнца жди меня на южном берегу озера, там две таких засохших липы стоят. Ясно?

– Сделаю. А как мы переправимся в Каэр Банног?

– Увидишь.

Когда Луг-Солнцеликий удалился на отдых, Утер Пендрагон, которого сопровождали два телохранителя-фиенна, добрался до нужного места. Старый маг, разумеется, уже был там и что-то ворожил над большой деревянной чашей. Варевое слегка бурлило, хотя огня Кречет не разводил.

– Отошли охрану, – бросил он Утеру вместо приветствия, – незачем им видеть это. Пусть сторожат рядом, если хочешь.

– Слышали? – повернулся рикс к фиеннам. – Станьте в дозор. Кадал, ты старший. И тихо.

Телохранители отсалютовали и скрылись в темноте. Кречет помешал варевое, пробормотал несколько слов, зачерпнул немного в сплетенный из бересты ковшик и протянул Утеру.

– Сделай два глотка. Остальным умоешься.

Рикс подозрительно принялся. Запах от ковшика исходил незнакомый, не слишком приятный, но и нельзя сказать, чтобы совсем уж отвратительный. Он быстро отпил сколько было сказано и выплеснул остаток себе в лицо. Глаза чуть-чуть защипало, но больше Утер не ощутил ничего особенного.

– Отлично! – сказал маг. – Теперь ты – копия Горлиса. Охрана не подымет шума, если муж зайвится к жене, хотя бы и посреди ночи. А вот и тот, кто отвезет тебя.

Чувствуя, что оказался посреди сна, Утер смотрел, как из озера выныривает дракон. Не слишком большой, шагов двадцати в длину, с чешуей оттенка темной бронзы.

– Его охрана не заметит, – пояснил Кречет, дабы не возникало ненужных вопросов. – Они увидят только Горлиса, который прибыл на лодке, как обычно. До восхода солнца ты должен будешь уйти. И еще одно: ты сделаешь все, чтобы Игрэн понесла ребенка.

– Да уж постараюсь, – хмыкнул Утер и вновь посмотрел на озерного дракона. В свою очередь, дракон не без интереса оглядел рикса Ллогрис, затем припал к земле и подставил переднюю лапу.

По-прежнему чувствуя себя словно во сне, Утер взобрался на дракона и полетел над водой к стенам Каэр Баннога, где меднокудрая красавица Игрэн наконец попадет в его объятия...

Кречет фыркнул, глядя на спящего владыку Ллогрис, выплеснул остатки сонного зелья и дважды щелкнул пальцами. Из травы поднялась призрачная фигура. Движением подбородка маг указал на дремлющего Утера. Фигура скользнула над землей, с каждым мгновением обретая краски, и над риксом склонилась высокая обнаженная женщина с волнами медных волос, гибким станом и прелестями, какие мертвеца из могилы способны поднять. Несколько ударов сердца, неразборчивый шепот – и два тела сплелись в любовном объятии.

Кречет наблюдал за этим лишь уголком глаза: суккуб справится со своим делом куда лучше смертной женщины. Друид сосредоточился на сетке, сплетенной из травы, какая росла отнюдь не на всяком лугу: порвать хоть один стебелек значило бы пустить псу под хвост всю затею. Призвать и направить суккуба Кречет мог без особых хлопот (а удерживать его не нужно, эта порода демонов сама взимает плату и никогда не берет лишнего, что бы там ни голосили некоторые жрецы-ревнители чистоты). Держать в плену единого сна Утера и Игрэн – дело иное.

Почему Игрэн? Да потому что сделать половину дела – все равно, что совсем его не сделать. Сегодняшней ночью Игрэн действительно должна была зачать от Утера, а самого рикса сквозь зачарованные стены Каэр Баннога Кречет не мог доставить (вернее, мог, но для этого требовалось куда больше времени, чем было в запасе). Вот и пришлось использовать... посредников. Семя Утера, отданное суккубу, в то же мгновение получит инкуб, который сейчас находится в Каэр Банноге, в покоях Игрэн, где изображает ее мужа, Горлиса, и изображает также и все остальное, что обычно между мужем и женой происходит... а дальше все будет так, как будет.

И все было так, как было...

Кречет умер первым. Удар меча рассек и травяную плетенку, так что чары рассеялись и Утер Пендрагон пробудился на берегу озера, услышав конский топот в двух шагах от себя. Не очень понимая, что и как здесь творится, он вскочил с обнаженным клинком, но тут меч обрушился на голову рикса Ллогрис – и вопросы без ответов умерли вместе с ним. Незаданными.

– Бритаэль, что там? – раздался голос.

– Это и правда был Пендрагон, господин мой! – ответил всадник, вытирая клинок и поворачивая коня. – Тут еще какой-то старик болтался, да я не стал разбираться.

Из-за кустов вынырнул рыжий конь, на котором восседал крупный мужчина в простой броне из вареной кожи, с узким серебряным мечом в руке. Точнее, красно-серебряным, потому что лезвие было наполовину в крови.

Горлис О'Кинн, рикс Озерного края, прыгнул с коня и склонился над телом бывшего сюзерена и недавнего врага. Добивать не требовалось: когда Бритаэль не хотел оставить противника в живых, клинок его не наносил пустых ран. Командира своей фианны рикс сам порой побаивался, но за преданность ценил и уважал.

И что тут только понадобилось Утеру? Каэр Банног, конечно, далек от того, чтобы настоящей крепостью зваться, но штурмовать его пришлось бы с плотов, а их Пендрагон явно готовить не успел... Положительно, правду говорили, будто от женщин Утер последний ум теряет.

– Ордин! – не оборачиваясь, позвал Горлис.

– Все кончено, рикс. Там всего двое было, Кадал уже мертв, Ульфину несколько минут осталось. Непонятно, зачем Пендрагона понесло сюда с такой малой охраной.

– Теперь неважно. – Горлис поднял меч Пендрагона – на память, повесить на почетном месте в своем дворце в Руане, – и снова влез в седло. Петли стремян врезались в носки мягких сапог, рикс наклонился поправить ослабевшие ремни.

Вдруг он с проклятьем ткнул мечом, сбросив лохмотья, в которые был закутан второй труп.

Убитый Бритаэлем «старик» умер самое малое лет сто назад – тело давным-давно разложилось, даже часть костей рассыпалась прахом.

Язык дракона

*(отрывок из предания о кончине Утера
Пендрагона, благополучно позабытый бардами)*

Сквозь огонь я пройду и грозы,
собирая шипы и розы,
вспоминая мечты и грезы,
в чашу кровь уронив и слезы...
Там, где лестницей выются лозы,
где цветут под стеклом мимозы,
изгибаясь в нелепых позах,
где пасутся седые козы –
я незваной взберусь угрозой,
в летний полдень войдя морозом...

История вторая или Как Вортигерн строил себе цитадель

Как становятся королями? Не князьками-риксами, которых выбирает совет вождей (даже если выбирать приходится из одного претендента на этот титул, как оно обычно и бывает), но настоящими королями, что превыше традиций кланов и сами устанавливают порядок и закон, – как становятся ими?

Нет, как и риксу, без дружины-фианны тут не обойтись: что ж ты за правитель, коли за тобой не следует основа твоего войска. Однако, грозные воины-fiennaе не способны переломить хребет старым традициям... то есть переломить-то могут, традиции не более живучи, чем их последователи; но сделать так, чтобы слово правителя стало законом – такое под силу лишь...

Вот именно, думал Вортигерн, вода точилом по лезвию топора.

Король, царь, кесарь, неважно как он зовется – это действительно небожитель, сошедший на землю. Кто он, кем был рожден, не волнует людей. Земной властью, что несут мечи фианны и зубастые палицы вождей, их не удивить, но если люди ВИДЯТ в правителе власть небесную помимо земной – они сами назовут его королем.

Риксом-то он мог стать хоть завтра: собрать совет кланов Ллогрис, объявить вождям, что он по обычаю будет поддерживать в стране мир и порядок – и те, взглянув на саксонскую дружину за спиной Вортигерна, немедля поднесут ему серебряный обруч с семью сапфирами. Гэлы с саксами, конечно, никогда близкими друзьями-родичами не были, но fianna – на то и фианна, здесь связь воинского братства превыше семейных и клановых уз. Дюжина-другая чужеземных воинов у каждого из гэльских риксов в дружине имелась, давно минули дни Фиона Могучерукого, когда три сотни фиеннов были единокровными братьями рикса, в крайнем случае – кровными побратимами. Нынче в дружину принимали тех, кто готов был следовать за предводителем хоть на Серые равнины, а уж какого они роду-племени – да кого это интересует, кроме ревнителей былых традиций, провались они в царство Балора и Билиса! Дружина из одних лишь чужеземцев – необычно и странно, но такого рикса кланы бы приняли. Традиции не запрещали, а до большего вождям не было дел.

Вот именно потому Вортигерн не желал для себя звания рикса, звания, дарованного вождями кланов, звания, данного людьми. Большого хотел он, рожденный в час кончины Аттилы-гунна, вождя вождей... Великого царя, обладателя небесной власти. Дрожащая Империя и жрецы Белого Христа звали Аттилу Бичом Божьим и поносили последними словами, но ведь разве Бич Божий может оказаться кем-либо иным, кроме как потомком небес? Или живут на земле силы, способные сравниться с мощью рожденных в небесах?

Десять лет назад Вортигерн присоединился к армии Черного Брана и пошел на Империю. Десять лет назад он увидел, как рушится величайший на всей земле город, Рим, и рушится не в последнюю очередь из-за того, что правили там не цари, а всего-навсего их отдаленные потомки, которые не унаследовали власти небесной и оттого не могли удержать земной власти. Рим пал, с ним рухнула и большая часть Империи, а на развалинах ее начали возникать новые царства, ибо всякий вождь Большой Орды считал себя по меньшей мере богоравным королем – ну разве под силу простому предводителю варваров взять верх над державой, которая этих самых варваров пятьсот лет гоняла в хвост и в гриву? Не-ет, тот, кто победил Империю, никак не может стать меньше чем царем!..

Так они говорили (особенно хорошенько надравшись), и Вортигерн, которому тогда едва минуло двадцать пять, с ними соглашался. Да и сейчас был в принципе согласен: всякий, кто понял, как и почему пала Империя, может стать королем и оставаться им до смерти. Тот, кто

станет королем, обретет и королевство: создать новое или вдохнуть жизнь в старое, невелика разница, и труд тоже невелик для истинного короля.

Но кто такой истинный король?..

Топором уже можно было бриться, но Вортигерн не оставлял любимого занятия. Ему всегда легче думалось, когда руки занимало знакомое и полезное дело. А он чувствовал, что думать сейчас важнее, чем когда-либо, потому что он ухватил кончик нужной мысли...

Люди верят, что королю благоволят небеса. Но что заставляет их так думать?

Свершенное на их глазах чудо (либо то, что они таковым считают). Знамение, благоприятное для короля.

Вортигерн усмехнулся, быстрым взмахом топора рассек изношенную броню, что висела на стене землянки. Тройной слой вареной кожи расступился перед острой сталью, словно ткань пышных имперских одеяний; будь в броню облачен человек, сейчас перед Вортигерном лежал бы труп.

Итак, нужно чудо. Явное, неоспоримое, какое не будет принято за чародейские фокусы – в отличие от большинства народов, гэлов этим не удивишь, тут в лесу на каждом шагу друида можно найти, который луну с неба снимет, дохнет, хорошенько протрет рукавом, а потом обратно повесит. Не-ет, Ллогрис нужен король, а не рикс – и значит, нужно чудо, а не пара магических штучек.

Будет им чудо.

Вортигерн даже замурыкал от пришедшей в голову идеи. И впрямь восхитительный план! Кто поумней, смекнет, что никакое это не чудо, но столь умному человеку уж наверное достанет ума, чтобы промолчать и не возражать, когда все вокруг вопят о воле небес. А уж вопить будут...

Западный край Ллогрис – полуостров Арморика, как его звали имперские картографы (Вортигерн проникся до странности нежным чувством к следам державы, которую сам помогал разрушить). Крайняя к западу точка Арморики – мыс Брайст, на котором, как гласят легенды ллогров, некогда высилась грозная башня Владыки. Было это, еще когда сиреневые дворцы Атлантиды высились над морскими волнами... потом цитадель рухнула и, естественно, на тех утесах так никто и не поселился с тех пор; кому оно надо – возводить замок в проклятом месте, где, может, и легко обороняться от врага, но положительно невозможно жить! Вортигерн, впрочем, знал, что камень – материал не такой уж и безжизненный, города Империи в зелени просто утопали, даром что там плетеных и деревянных построек днем с огнем не сыскать было, сплошь обожженная глина да белый известняк, а в домах побогаче – кирпич, мраморная облицовка, несокрушимый полированный гранит. Все зависит от того, как возвести...

В том походе Вортигерн не только воинскую славу и золото добыл. Славу найти везде можно, а золото расходуется быстро и без толку, разве что время приятно проведешь. Зато нужного человека встретить, да чтобы он готов был за тобой (или за тебя) в огонь и воду идти – это непросто. Повезло, конечно, что Тремониус именно ему попался, но коль уж попался – Вортигерн весьма дорожил «приобретением». Он оставил италийцу и его семье жизнь, сохранил свободу, помог уберечь от «варваров» кой-какое добро – и приобрел если не друга, то по крайней мере верного слугу. В свою очередь, Тремониус помог ему на границах Арденн, когда Вортигерн сопровождал на север добычу Ульфгара, младшего брата Орма, короля саксов; обоз двигался медленно, ибо шли по образцу имперских легионов, еженощно сооружая укрепленные лагеря, зато и любители пожить за чужой счет, бравые разбойнички из Лудуна, Морвана, Лангра, Аргона и Арденн, убивались несолоно хлебавши, что они, самоубийцы, на частокол заостренных кольев лезть, под копыта и мечи охраны?.. В Арденнском лесу Тремониусу повезло углядеть засаду и упредить Вортигерна, так что можно сказать, насчет жизней они давно были квиты.

Мастерство италийца заключалось, впрочем, не в зорких глазах, хотя видел он неплохо. Тремониус был человеком ученым и значительную часть ученых имперцев превосходил тем, что высокие премудрости его имели вполне практическое применение. Бывало, на италийца нападала блажь и он объяснял тайны своей премудрости, употребляя при этом невероятное количество ругательных словечек вроде «aedificatio», «fortalicium» и «architectura», но Вортигерну достаточно было одного: Тремониус понимал, как правильно строить дома... и не только дома.

Если кто и способен возвести цитадель на месте той легендарной башни Владыки Брайста, так это Тремониус. Ну а как только в народе пойдет слух, что башня восстановлена и там поселился Вортигерн – люди сами назовут его королем. Тут уже и венец рикса ни к чему, седовласые жрецы Киана сами добудут из храмовой сокровищницы разомкнутую диадему из хрусталя и белого золота и возложат на голову – кому? Вот именно.

Вдосталь насладившись своим хитроумием и дальновидением, Вортигерн позвал Тремониуса и объяснил, чего от него ждет...

Сбережения, что у Вортигерна сохранились с прежних дней, истаяли быстро. Пришлось вести дружину в поход, образно говоря, за добычей; от разбойничьего налета поход отличался разве только тем, что организован он был более четко, избегая ненужной жестокости, все же Вортигерн десять лет сражался в настоящих войсках и почти четыре года сам отрядами командовал. Да и фианна не из новичков была, слова поперек командиру не сказали, когда до дела дошло. Одного похода оказалось мало, пришлось пойти во второй – на южные рубежи Лохланна, – а потом в третий, в Иль и Гитин. Полной добычи хватило, чтобы заплатить работникам Тремониуса и закончить цитадель. Как раз в канун Имболка, праздника весеннего излома. Хорошее предзнаменование, усмехнулся в усы Вортигерн; сам он в эти календарные фокусы не очень верил, несторианин Тремониус – тем более, но считать оба умели, причем не только на пальцах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.